

S. Marcus. Poetica matematică. — București, Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1970. 400 стр.

С. Маркус хорошо известен своими исследованиями по математической лингвистике¹, новая его книга, посвященная применению математических методов в поэтике, представляет тем больший интерес, что сейчас литература в области математической поэтики (если отвлечься от единичных тематических сборников²) носит характер отдельных разрозненных публикаций, разбросанных по самым разнообразным журналам и сборникам. Хотя число таких работ достаточно велико (дополнительная библиография в конце книги насчитывает 883 названия, к этому следует добавить около 400 названий, цитируемых в отдельных главах), речь в них, как правило, идет об отдельных статистических исследованиях или работах, связанных с использованием электронно-вычислительных машин для анализа литературных текстов. В рецензируемой книге впервые предпринимается попытка выяснить общие логические основы математического подхода к поэтике и, проанализировав с этой точки зрения некоторые основные противопоставления, построить формальные аналоги (модели) основных понятий в этой области. Поэтому автор не ограничивается статистическими методами (им посвящена специальная глава — VI), а сосредотачивает свое внимание на теоретико-множественных, алгебраических и топологических представлениях.

Книга распадается на две неравные части: первые семь глав объединены рассматриваемыми в них проблемами поэтического языка, а последняя, глава VIII резко отделяется от них — она посвящена математическим моделям в области драматургической поэтики. Остановившись в своей рецензии в первую очередь на тех вопросах, которые могут быть

интересны для широкого круга лингвистов, мы ограничим свое рассмотрение первыми семью главами: глава VIII нуждается в специальном разборе, выходящем за пределы лингвистики.

В I, вводной главе рассматриваются возможности математического подхода к поэтике и разбираются те возражения, которые обычно выдвигаются против такого подхода. С. Маркус указывает, что математический подход к поэтике имеет достаточно богатую традицию, и останавливается на трудах некоторых своих предшественников, в первую очередь — Дж. Биркгофа³, а также М. Гика (Ghyka) и П. Сервьена.

II глава посвящена «до-математическому» анализу понятия «поэтический язык». В таком предварительном прояснении подлежащих формализации понятий, несомненно, сказалась большой опыт С. Маркуса в области лингвистического моделирования: он хорошо понимает, что иначе моделирование может оказаться бесплодным. Автор начинает свой анализ с выяснения основных особенностей поэтического языка. Как правило, поэтический язык противопоставляется обиходной речи, и такое противопоставление вполне естественно и весьма плодотворно (ср. хотя бы традицию ОПОЯЗ'а в нашей науке). С. Маркус, однако, считает, что обиходная речь по ряду решающих признаков находится где-то посередине между научным языком, с одной стороны, и поэтическим, с другой. Поэтому, с его точки зрения, противопоставления становятся более четкими, если брать в качестве крайних полюсов именно научную и поэтическую речь (заметим, что такой подход делает книгу весьма интересной для широкого круга лингвистов, обогащая наши представления именно об обычном языке и его потенциальных возможностях).

Вот основные противопоставления, проводимые Маркусом:

¹ S. Marcus, *Lingvistica matematică*, ed. A II-a, București, 1966; его же, *Gramatici și automate finite*, București, 1964; его же, *Algebraic linguistics; Analytical models*, New York — London, 1967; его же, *Introduction mathématique à la linguistique structurale*, Paris, 1967 (последняя книга скоро выйдет в русском переводе).

² См.: «Mathematik und Dichtung», München, 1965; «Poetyka i matematyka», Warszawa, 1965.

³ О близости идей Биркгофа к идеям Андрея Белого см.: И. И. Ревзин, Белый, Биркгоф и вопрос об измерении художественного творчества, «III летняя школа по вторичным моделирующим системам. Тезисы», Тарту, 1968.

Научный язык

1. Рациональность
2. установка на логику (или логическая концентрированность — «densitate logică»)
3. бесконечная синонимия
4. отсутствие омонимии (закрытость)
5. искусственность (наличие искусственной системы символов)
6. общность
7. важность проблемы стиля
8. переводимость
- 8а. выразимость
9. пространственно-временная фиксированность
10. счетное число значений
11. денотативность
12. прозрачность смысла
13. транзитивность (ориентированность на других лиц)
14. независимость от выражения
- 14а. независимость от музыкальной структуры
15. важность парадигматики
16. краткость контекста
17. важность оппозиции «истинное — ложное»
18. грамматическая правильность
19. установка на образец
- 19а. стереотипы, имеющие общую значимость
20. предсказуемость

Разумеется, каждый из этих признаков в отдельности может быть оспорен (ср. в частности, обоснованные возражения против отождествления эмоционального и поэтического языка, выдвинутые Р. Якобсоном в 1921 г.; ср. также возможность разграничения классицизма и романтизма внутри поэтического языка по ряду выдвинутых здесь критериев), однако, несомненно, что общие конфигурации выбраны удачно, и в своей совокупности признаки эти достаточно хорошо определяют оба возможных полюса (например, крайнее проявление свойств научного языка в определенном типе математических сочинений, с одной стороны, и экспериментальную поэзию, например, «обернутов», с другой стороны). Поскольку, однако, признаки эти разноплановы, то для дальнейшей формализации необходимо выбрать ту или иную группу их, которую можно принять за ядерную.

Следует признать удачным выбор в качестве основных признаков 3, 4, 10, 11, ибо многие другие непосредственно или косвенно зависят от них (так признак 7 — отсутствие проблемы стиля, т. е. синонимического выбора в поэтическом языке, — прямо связан с признаком 3; между прочим, здесь сразу же проявляется различие самой проблемы стиля применительно к поэтическому языку и другим типам языка).

Поскольку поэтический язык изучается в сопоставлении с научным языком,

Поэтический язык

- аффективность (эмоциональность)
установка на суггестивность (или суггестивная концентрированность)
- отсутствие синонимии
бесконечная омонимия (открытость)
естественность
- единичность (обращенность к индивидуальной личности)
отсутствие проблемы стиля
непереводимость
невывразимость
пространственно-временная подвижность
- континуум значений
коннотативность
расплывчатость смысла
рефлексивность (ориентированность на себя)
зависимость от выражения
зависимость от музыкальной структуры
- важность синтагматики
длина контекста
отсутствие оппозиции «истинное — ложное»
отсутствие установки на грамматическую правильность
творческий характер
стереотипы, имеющие индивидуальную значимость
непредсказуемость

то в главе III дается детальный лингвистический анализ наиболее характерного представителя этого языка, а именно языка математических сочинений. Этот анализ чрезвычайно важен, ибо если логическому анализу языка математики уделяется в последнее время огромное внимание⁴, то чисто лингвистический анализ этого языка отсутствует, если не считать нескольких статей, написанных в связи с машинным переводом. С. Маркус разбирает грамматическую структуру румынского математического языка (в частности, отмечая, какие глагольные формы могут употребляться в этом языке), проводит лексическую классификацию терминов этого языка и рассматривает его вероятностную структуру. С точки зрения общесемантической особенно интересно сопоставление метафор математического и поэтического языка. Как показано в книге, переносное употребление терминов вовсе не чуждо математическому языку, однако, в отличие от поэтической метафоры

⁴ Причем не только в книгах, посвященных основаниям математики (см., например: А. А. Френкель, И. Бар-Хиллел, Основания теории множеств, М., 1966), но и в учебниках, предназначенных, в частности, для лингвистов, обучающихся математике (см.: Ю. А. Шиханович, Введение в современную математику, М., 1965).

с ее коннотативными свойствами, математическая метафора имеет сугубо денотативный характер. С. Маркус различает два типа метафор: внешние, т. е. взятые из языка другого типа (например, из обычного языка), и внутренние, взятые из того же самого типа языка, и показывает, что в математическом языке имеются метафоры как внешние (например, *идеал*, *кольцо*), так и внутренние (например, употребление термина *ряд* в алгебраической лингвистике, взятое из анализа), причем по критерию внешности математические метафоры сближаются с поэтическими, также взятыми из обычного языка.

После содержательного анализа особенностей математического языка автор приступает в главе IV к построению формальной модели, которая должна отразить в обобщенном, формализованном виде отличия поэтического языка от научного. Здесь понятие «язык» задается как четверка терминов $\langle V, L, S, \rho \rangle$, где V — словарь, L — множество отмеченных фраз, S — множество значений и ρ — отношение между элементами x из L и s из S . Через $\rho(x)$ обозначается множество значений фразы x .

Выше отмечалось, какие признаки берутся в качестве основных для разграничения понятий «поэтический язык» и «научный язык». Приведем теперь формальные определения этих понятий в книге Маркуса.

(1) Язык $\langle V, L, S, \rho \rangle$ называется *н а ч н ы м*, если выполнены следующие два условия: а) для каждой фразы x множество $\rho(x)$ имеет ровно один элемент (т. е. отсутствует омоимия), б) для каждого значения s имеется бесконечное число фраз x таких, что $\rho(x) = s$ (т. е. число синонимов каждой фразы равно бесконечности).

(2) Язык $\langle V, L, S, \rho \rangle$ называется *п о э т и ч е с к и м*, если а) для каждой фразы x множество $\rho(x)$ состоит из бесконечного числа элементов (т. е. множество значений каждой фразы есть непрерывность, континуум) и б) для каждого значения s имеется одна и только одна фраза x такая, что $s = \rho(x)$.

Таким образом, оба понятия действительно противоположны. Для научного языка действительно характерно, что одну и ту же мысль можно выразить самыми разнообразными способами (наиболее характерны в этом отношении математические теоремы о необходимости и достаточности некоторого условия, где все рассуждение, иногда весьма длинное, сводится к установлению ряда тождеств). В то же время как математики⁵, так и

поэты (см., например, высказывания О. Мандельштама) не раз говорили о непрерывности как важнейшем признаке поэтической семантики. В этой же связи следует упомянуть замечательные идеи Ю. Н. Тынянова о динамичном значении слова в поэзии⁶.

Несколько спорным, однако, представляется дальнейшее развитие идеи о непрерывности в концепции С. Маркуса. Он связывает эту непрерывность с тем, что поэтическая семантика является различной для разных адресатов и в разные моменты времени t (континуум значений оказывается связанным с временным континуумом), а именно каждое значение предстает как функция от тройки объектов $\langle x, t, n \rangle$, где x — фраза, t — момент времени, а n — порядковый номер определенного индивида.

Подобная субъективизация не является абсолютно необходимой. Бесконечность (а, может быть, и несчетность) множества значений можно объяснить, исходя из самой внутренней структуры поэтического высказывания⁷. В самом деле, С. Маркус сам обращает внимание на значение факта организованности (особого построения, как говорили русские формалисты) поэтической речи. Эта организованность на всех уровнях (фонемном, просодическом, морфемном, лексическом, синтаксическом, гиперсинтаксическом) приводит к тому, что текст, описывающий смысл поэтического произведения, должен многократно упоминать одни и те же элементы, описывая их смысловые связи и отношения, причем такой текст незамкнут. Организованность поэтического высказывания приводит к тому, что каждое слово может приобретать в нем самостоятельность (ср. очень тонкие замечания самого Маркуса в V главе о нарушении проективности как о принципе, ведущем к большей самостоятельности слова в поэтическом языке⁸) и одновременно вступать в связи с другими словами, определяющими его смысл⁹. Такие смысловые связи уста-

Линейность речи и ее преодоление, «III летняя школа по вторичным моделирующим системам. Тезисы».

⁶ Ю. Тынянов, Проблема стихотворного языка, Л., 1924.

⁷ Кратко изложенные здесь соображения развиваются в нашей монографии «Современная структурная лингвистика. Методы и проблемы» (в печати).

⁸ Заметим, что самодовлеющий характер слова в поэзии достаточно подчеркивался как поэтами, так и учеными (например, в поэзии Маяковского — Р. Якобсоном, Г. О. Винокуром, Б. Н. Томашевским).

⁹ Любопытно, что Ю. М. Лотман (см. его статью «Лингвистическое и литературоведческое понятие структуры», ВЯ, 1963, 3, стр. 49—50) подчеркивал имен-

⁵ См. отчет о выступлении А. Н. Колмогорова на IV Всесоюзном математическом съезде в сб.: «Структурно-типологические исследования», М., 1962, стр. 296; Ю. И. Левин,

навливаются как в соответствии с синтаксическими отношениями слов (таково положение в обычном языке), так и вопреки им, сама конструкция приводит к усилению одних связей и подавлению других. В идеале каждая сема (одна из семантических признаков слова) свободно комбинируется здесь с семами других слов.

Формально эту ситуацию можно выразить следующим образом: пусть элементом (скажем, словом) некоторого поэтического высказывания поставлено в соответствие k сем. В силу сказанного эти семы могут комбинироваться в принципе всеми возможными способами. Как известно, число таких сочетаний равно 2^k , а значит таково и число значений данной фразы. Заметим теперь, что семы, приписываемые словам, могут быть разной степени дробности.

Если обратиться, например, к древу признаков, рассматриваемому Маркусом в гл. V в связи с проблемой тропов (стр. 160 Fig. V. 4)¹⁰, то будет ясно, что каждый уровень содержит в себе и семы предыдущего уровня (так, что для любого i мы в сущности на i -ом уровне имеем не одну, а i сем) и что степень дробности такой классификации неограничена. Пусть теперь в предельном случае k стремится к бесконечности. Тогда число сочетаний из k (равное 2^k , когда k конечно) будет иметь мощность континуума.

Справедливости ради следует отметить, что вышесказанное может рассматриваться как развитие следующих предложений Маркуса: «Близость по времени не имплицитует близости значений с точки зрения их природы... Поэтому следует искать иной топологии для описания множества $\rho(x)$... Одна из возможностей решения проблемы состоит в использовании некоторой системы раз-

но несамостоятельности смысла слова в поэзии. Существенно, однако, взаимодействие обеих названных особенностей, ибо абсолютизация одной из них, например, самодостаточности слова в концепции теоретиков польского футуризма приводит к односторонности и на практике преодолевается последующими школами (см.: J. Sławiński, *Konsercya języka poetyckiego awangardy krakowskiej*, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, стр. 36—43).

¹⁰ Противопоставляются «абстрактность» — «конкретность» (1-й уровень), далее «конкретность» делится на «естественность» — «сверхъестественность» (2-й уровень), «естественность» на «одушевленность» — «неодушевленность» (3-й уровень), «неодушевленность» на «подвижность» — «неподвижность» (4-й уровень) и «неподвижность» на «минеральность» — «растительность» (5-й уровень).

личительных признаков, с помощью которой можно было бы охарактеризовать любое значение через его координаты в отношении к указанной системе.... Следует, однако, напомнить, что множество поэтических значений нечетно и поэтому множество соответствующих семантических категорий должно быть бесконечным» (стр. 138—139). Впрочем Маркус вряд ли может нести ответственность за то, как далее используется идея признаков.

Топологическая структура, о которой говорит Маркус, вводится им следующим образом. Обозначим через Σ^* множество всех поэтических значений, воспринимаемых всеми людьми во все моменты времени (мы уже говорили, что в модели Маркуса все они различны). Множество Σ^* можно представить как объединение множеств $\Sigma(n)$, каждое из которых есть множество всех значений, воспринимаемых индивидуумом n . Далее определяется семейство F подмножеств E , входящих в Σ^* : E входит в F , если существует натуральное число N — такое, что для каждого $n > N$ множество $\Sigma(n)$ — E не более чем счетно. «Смысл семейства F в следующем. Множество E значений входит в F в случае, когда, за исключением конечного числа лиц, E содержит «почти все» значения, воспринимаемые некоторым лицом» (стр. 134). Далее выясняются топологические свойства таким образом определенного множества значений. Эти свойства (например, условия связности соответствующего топологического пространства) представляют значительный интерес, ибо если любые два высказывания различны, то чрезвычайно важно выяснение условий их близости (наличия общей области, «окрестности» у двух близких высказываний)¹¹.

Однако свойство непрерывности, нечетности в поэтической семантике естественнее связывать не столько с особенностями восприятия поэтического произведения¹², сколько с внутренним принципом его организации. Вернее,

¹¹ На важность топологических моделей для лингвистики неоднократно указывал Ю. А. Шрейдер, см., например: Ю. А. Шрейдер, Окрестностные грамматики, НТИ, серия 2, 1967, 10.

¹² Разумеется, в структурной поэтике (как в лингвистике) должна учитываться и точка зрения адресата, на чем неоднократно настаивает Маркус. Однако только особенностями восприятия обойтись невозможно. Маркус считал необходимым привести (стр. 35) устное замечание, сделанное ему французским математиком Бензекри и состоящее в том, что и математическое высказывание может вызвать у разных (компетентных) слушателей самые различные ассоциации.

предпосылки восприятия его значения как континуума целесообразно искать уже на уровне его структуры, а восприятие дает лишь конечный эффект.

В предположенном нами аналоге для внутренней структуры семантики характерна не непрерывность, а несопоставимость роста возможных значений высказывания по сравнению с увеличением числа сем. Если для научного языка характерна «аддитивность» смысла, т. е. смысл целого складывается из смысла частей, то в поэтическом языке (отчасти уже и в общем языке) смысл целого — никак не сумма отдельных смыслов, а множество, складывающееся в пределе из 2^k комбинаций различных смыслов. Восприятие адресата вторгается лишь в той части модели, где рассматривается степень дробности классификации, ибо она действительно зависит от воспринимающего (и даже от времени, которое затрачивается на восприятие).

После этих замечаний вернемся к древу дифференциальных признаков. Будем считать, что все уровни ветвления перенумерованы (как указано на схеме в рецензируемой книге, причем число уровней незамкнуто: $0, 1, \dots, k, \dots$).

Обозначим через $\Sigma(k, x)$ число значений фразы x при условии, что семы берутся с точностью до k -го уровня ветвления, и положим $\Sigma(k) = \bigcup_{x \in L} \Sigma(k, x)$,

т. е. возьмем сумму всех значений k -го уровня для всех фраз. Теперь заменим в определении Маркуса $\Sigma(n)$ через $\Sigma(k)$ и сохраним всю конструкцию. Тогда топологическое пространство, индуцируемое множеством значений, окажется связанным с некоторыми общими особенностями внутренней структуры поэтического высказывания (Σ содержит «почти все» значения, которые можно выразить, исходя из данной в древе классификации, за исключением конечного числа точек ветвления). Весь формальный аппарат Маркуса при этом может быть целиком использован. Возможны, разумеется, и более решительные отступления от схемы Маркуса. Однако за румынским ученым остается заслуга первой попытки представления проблем поэтики в столь общем виде.

Если IV глава рассматривает проблемы поэтики в предельном удалении от конкретных поэтических произведений, то в V главе, посвященной анализу тропов, С. Маркус возвращается к проблеме анализа отдельных поэтических высказываний. На многочисленных примерах из румынской поэзии он разбирает вопрос о возможности рассматривать метафорические выражения как «отклонения» (abatere) от обычного языка и дает разные классификации типов отклонений. Наиболее интересна как с общелингвистической, так и литературоведческой точки зрения, та часть главы, где разбираются формальные средства анализа

системы семантических категорий в парадигматическом плане и построенный на этой основе синтагматический анализ. Автор исходит из задания классификации категорий в виде графов типа древа¹³. Две категории называются однородными по отношению к i -му уровню, если на этом уровне есть категория, которой обе они подчинены, в противном случае категории неоднородны. Пусть категория C_1 расположена на i -ом уровне, а категория C_2 — на j -ом уровне. Через $m(C_1, C_2)$ обозначается наибольшее натуральное число k — такое, что C_1 и C_2 однородны по отношению к уровню k . Вводится мера $e(C_1, C_2)$ неоднородности категорий C_1 и C_2 , а именно $e(C_1, C_2) = \min(i, j) - m(C_1, C_2)$.

Например, относительно графа, описанного в сноске 10, синтагма *oameni de cositor* «оловянные люди» из одного стихотворения румынского поэта Аргези имеет меру неоднородности, равную 1. Другая мера, вводимая Маркусом, называется парадигматическим расстоянием в синтагме xu и состоит в следующем. Пусть x поставлена в соответствие категория C_1 в данном графе, а y — категория C_2 . Тогда парадигматическим расстоянием между x и y называется (исчисляемая числом дуг) длина пути между C_1 и C_2 на графе. Так, в приведенном примере парадигматическое расстояние равно 2. Проводится анализ целого произведения (стихотворения Эмнеську «У меня есть одно единственное желание») и вычисляется среднее парадигматическое расстояние по всем синтагмам, где расстояние не равно 0. В проанализированном стихотворении оно оказалось достаточно высоким (равным 6). Вводятся разные другие меры, связанные с рассмотрением подграфов данного графа (в особенности таких деревьев, где каждому правому узлу подчинено не более двух категорий, и ни один левый узел не имеет подчиненных). С помощью этой модели, в частности, изучаются явления синестезии. Заканчивается глава рассмотрением синтаксических фигур. Здесь впервые в поэтике указывается на роль явлений непроективности.

В VI главе рассматриваются вопросы применения статистических методов в поэтике (статистика рифм, проблемы атрибуции и т. п.). Наряду с понятием энтропии, уже нашедшем широкое применение в поэтике (ср. хотя бы работы А. Н. Колмогорова), С. Маркус предлагает использовать в известном смы-

¹³ Поскольку древовидные классификации используются и в других областях лингвистики, например, в фонологии (см.: И. И. Ревзин, Некоторые замечания в связи с дихотомической теорией в фонологии, ВЯ, 1970, 3), то модель может иметь и другие лингвистические применения.

сле противоположное понятие информационной энергии, определяемое по формуле

$$e(A) = \sum_{i=1}^n p_i^2. \text{ Эта мера, гораздо}$$

более легкая для вычисления, чем мера энтропии (поскольку не нужно прибегать к логарифмам), как показывает С. Маркус на основе анализа трех стихотворений Эминеску, вполне показателна для произведений разного типа (например, любовной и философской лирики) и поэтому может найти применение в поэтике.

Глава VII посвящена применению математических методов при сравнении текстов, в частности в текстологии и в теории перевода. Вводятся пять параметров: 1) порядок элементов, 2) просодическая структура, 3) синтаксическая структура, 4) лексика, 5) семантика (синонимичность или не-синонимичность). Для сравнимых двух текстов строится матрица, строки которой соответствуют номерам отдельных стихотворных строк, а столбцы — указанным пяти параметрам. Каждая клетка заполняется 0 или 1 в соответствии с тем, совпадают ли данные строки по данному критерию. Далее с этими матрицами можно производить уже чисто формальные операции, например, устанавливать расстояние между ними, используя известную функцию расстояния в пространстве сообщений¹⁴.

В частности, устанавливаются отношения между четырьмя главными вариантами стихотворения Эминеску «У меня одно единственное желание». Аналогичная мера используется и для установления степени отклонения перевода от оригинала (на примере четырех переводов на румынский язык стихотворения Бодлера «*A une passante*») с той лишь разницей, что для перевода соответствие устанавливается относительно некоторой заданной классификации семантических категорий. Такая мера представляется рецензенту вполне естественной¹⁵ и весьма перспективной с точки зрения перевода, хотя она и не решает проблему адекватности (для формализации последнего понятия, по-видимому, может оказаться плодотворным понятие топологической близости). Во втором разделе

VII главы исследуются вопросы связности текста с точки зрения употребляемых в нем категорий (например, категории грамматического времени). Разрабатывается аппарат для отражения понятия связности, и этот аппарат применяется для анализа стихотворения Ж. Превра «*Familiale*». Наконец, в третьем разделе этой главы показано, как с помощью теории графов могут исследоваться в текстологии отношения между вариантами одного текста.

Общая позиция автора во всей книге сводится к следующему. Человеческий язык характеризуется сложной природой, и в идеале можно выделить два полярных типа, между которыми расположены все промежуточные его проявления (в том числе и обычный язык), а именно научный (в пределе: математический) язык, с одной стороны, и поэтический язык, с другой. Каждый из них отражает некоторую область человеческой деятельности. Однако возможно не только использование научного (математического) языка для описания научных феноменов (например, математические сочинения) или поэтического языка для описания поэтических феноменов (такова, по мнению автора, область литературной критики), но использование поэтического языка для описания научных феноменов (таковы часто приводимые в книге стихи румынского поэта и математика Иона Барбы, посвященные сущности и целям математики), а также применение научного (математического) языка для описания поэтических феноменов. Выполнению этой последней задачи и посвящена рецензируемая книга.

По мнению рецензента, автор вполне справился со своей задачей: возможность описанного подхода доказана в книге достаточно убедительно. Книга вооружает лингвистов, в том числе и тех, кто работает в областях, далеких от поэтики (например, семантика категорий, общие проблемы связного текста), новым аппаратом, и — что важнее — вызывает читателя на спор, заставляет его искать конкретных путей совершенствования аппарата поэтики. Книга отличается еще одним важным качеством: автор проявил несомненный эстетический вкус и поэтическое чутье, столь необходимые и, к сожалению, столь редкие в работах по структурной поэтике. По ходу изложения читатель найдет ряд тонких и скрупулезно выполненных разборов примеров и целых текстов Бодлера, Превра, румынских поэтов Эминеску, Аргези, Иона Барбы и других (и очень подробный разбор пьесы Караджале «Потерянное письмо» в VIII главе). Формализованный текст (именно он по понятным причинам нашел наибольшее отражение в рецензии) часто перемежается с полуформаль-

¹⁴ Ю. А. Шрейдер, Что такое расстояние?, М., 1963, стр. 33 и сл.

¹⁵ В своей монографии «Современная структурная лингвистика» рецензент ввел аналогичную меру. Там же указывается на то, что перевод, минимально отклоняющийся от подлинника в соответствии с этой мерой, уже по чисто формальным причинам не обязательно совпадает с адекватным.

ным изложением и даже со «страницами, написанными в добром милом стиле филологических сочинений, и читать книгу не всегда так трудно, как может пока-

заться, если судить по рецензии, но всегда интересно.

И. И. Ревзин

Л. Л. Иофик. Сложное предложение в новоанглийском языке. — Л., изд-во ЛГУ, 1968. 214 стр.

Исследование Л. Л. Иофик в равной степени направлено как на выяснение проблем сложного предложения в общетеоретическом плане, так и на описание тех конкретных форм, в которых сложное предложение выступает в новоанглийском языке раннего периода, сопоставляемом с современным английским.

Постановке общих вопросов сложного предложения посвящена первая часть книги. Здесь на большом и интересном материале показана история трактовки сложного предложения в английской грамматике, начиная от ее истоков, и кончая современными структуралистскими концепциями, а также взгляды русских и советских языковедов на способы связи предложений. Далее, в первой части дается общая характеристика сложного предложения как грамматической категории, ставится проблема вычисления предложений (в том числе сложных) из текста и проблема соотношения между синтаксическими структурами и пунктуацией.

Однако весьма значительное место занимают общетеоретические вопросы и во второй части, описывающей систему связи предикативных единиц в раннем новоанглийском. Здесь рассматриваются четыре вида связи между предикативными единицами (так называет Л. Л. Иофик синтаксические образования, соответствующие по основным чертам своей организации независимым предложениям): сочинение, относительное присоединение, подчинение, соотнесение. И именно здесь дается развернутый анализ этих явлений с общетеоретических позиций, устанавливается их место в общей системе синтаксических единиц английского языка (а по сути дела, и значительно шире — во всех языках, обладающих синтаксической структурой, близкой к структуре английского языка)¹.

Выдвигаемая при этом Л. Л. Иофик концепция сложного предложения во многом отличается от привычных точек зрения. Основная новизна в позиции автора, хотя и предваренная отдельными замечаниями ряда языковедов (особенно

Э. Сепира), состоит в отказе от рассмотрения ряда предложений, связанных сочиненной связью, как сложного (сложносочиненного) предложения. Этому дается развернутая аргументация на стр. 82—92. Автор показывает, что сочиненные, т. е. отделяемые в тексте запятыми или точкой с запятой, предложения в равной мере могли бы быть отделены друг от друга и точками, подтверждая это наличием в текстах принципиально сходных рядов предикативных единиц, по-разному оформленных пунктуационно. Автор ссылается также на данные исследований по английской интонации (Армстронг и Уорд, Шубигер, Каминская и др.), которые устанавливают, что неконечные предикативные единицы, входящие в ряд сочиненных предикативных единиц, могут произноситься и даже чаще произносятся с интонацией, характерной для любых конечных предикативных единиц, а именно с понижением тона. На основании этого, автор приходит к выводу, что «сочетание сочиненных предложений в пределах пунктуационного единства... со стороны грамматической, то же самое, что сочетание предложений, разделенных точками в связной речи» (стр. 91). Такие предикативные единицы «функционируют в тексте или связной речи как самостоятельные, хотя и контекстуально связанные предложения, независимо от того, какими знаками они разделены» (стр. 91). А возможность использования пунктуации для связи грамматически самостоятельных предложений объясняется автором тем, что пунктуация в европейских языках вообще развивалась на базе учения античной риторики о периоде, т. е. имело смысловую и стилистическую, а не грамматически-структурную основу. Поэтому ряд связанных сочинительной связью предложений является для автора единством пунктуационным или стилистическим, но не грамматическим. Грамматическим единством такой ряд становится лишь в том случае, если его члены обладают общими компонентами, соподчинены какому-либо другому синтаксическому предикативному единству и в аналогичных конструкциях, где сочинение переплетается с подчинением.

Но основное внимание в книге уделено подчинению предикативных единиц, т. е.

¹ Ср. также: Л. Л. Иофик, Об основах английской пунктуации в связи с проблемой сложносочиненного предложения, ВЯ, 1961, 4.